

ЯПОНСКАЯ
ЛЮБОВНАЯ
ЛИРИКА

стихотворения

МОСКВА
2023

УДК 821.521-1
ББК 84(5Япо)-5
Я70

Иллюстрация на переплете *Анны Рысухиной*

Перевод с японского *А. Е. Глускиной*

Иллюстрация в марке серии:

© bsd / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Я70 **Японская** любовная лирика : стихотворения / перевод с японского *А. Е. Глускиной*. — Москва : Эксмо, 2023. - 432 с.

ISBN 978-5-04-187918-1

Впервые за много лет читателю открывается мир классической японской любовной лирики в переводах *Анны Евгеньевны Глускиной* — одной из важнейших советских японисток, лично составившей эту антологию в конце восьмидесятых годов. В книгу вошли стихотворения VIII, X и XIII веков, внимательно отобранные из трех лучших японских поэтических антологий, а также прокомментированные переводчицей. Тонкая японская лирика спустя сотни лет продолжает поражать читателя своей искусностью и лаконичностью, а внимательно выполненный перевод *Анны Глускиной* передает все нюансы классического японского стихосложения на русском языке.

УДК 821.521-1
ББК 84(5Япо)-5

© Издание на русском языке,
оформление.

ISBN 978-5-04-187918-1

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

Японская любовная лирика занимает большое и важное место в японской поэзии. Еще в древности, во время народных обрядовых хороводов, которые совершались для получения обильного урожая и заканчивались брачными играми на полях, в перекличках мужского и женского хора впервые родились песни любви и сохранили навсегда глубокую органическую связь с природой. Поэтому японская любовная лирика тесно переплетается с пейзажной, и любовные чувства передаются обычно через образы природы того или иного времени года или в связи с ними. Лирика чувств и лирика природы образуют гармоническое слияние и тонкое взаимопроникновение.

В японской старинной любовной лирике обычно не воспевается внешняя красота возлюбленной или ее душевные качества. Здесь не было создано, как в Западной Европе, культа Прекрасной дамы. Любимая была всегда та, с которой вместе любовались луной, цветами, алыми листьями клена, выпав-

шим снегом, красивыми видами природы. Во время такого любования стало обычаем сочинять стихи и выражать в них свое восхищение или раздумья, связанные с природой.

Сообщить тому, кого ты любишь, о расцвете цветов возле своего дома означало просьбу о свидании, ожидание прихода любимого человека.

В любовных песнях цветков сливы, вишни, гвоздики, камелии и другие цветы и травы часто являются метафорой возлюбленной. Позже ее образ ассоциируется также с жемчужиной и яшмой. Нередко в песнях говорится о желании сорвать алые листья клена, чтобы дать полюбоваться любимой или любимому, о желании показать живописные места природы.

Принято было вместе с возлюбленной сажать деревья, цветы, загадывая о будущем совместном счастье.

В песнях любви часто встречаются унаследованные от народных любовных заговоров образы трав и раковин с народными названиями: трава — «скажи-свое-имя», раковины — «позабудь-любовь» и т. п., которые используются уже в качестве художественного приема.

Одним из распространенных мотивов песен является обращение к девушке с просьбой назвать свое имя. Открыть юноше свое имя для девушки

значило доверить ему свою судьбу, дать согласие на любовь, на брак.

Постоянным образом для песен любви являются рукава одежды, которые возлюбленные стелют друг другу в изголовье. Самое обычное выражение нежности и любви — это прикосновение рукавов. Плача, их подносят к глазам, отчего влажный рукав становится символом безутешных слез. Расстающиеся рукава — образ разлуки. С рукавами связано много примет и суеверий.

Много поют об обычае дарить одежду любимому человеку или обмениваться с ним одеждой, о том, как завязывают заветный шнур у одежды перед разлукой с любимым человеком в знак верности, с тем чтобы не развязать его до будущей встречи.

Часто обращаются к летящей птице, парящему облаку, к плывущему челну, чтобы передать весть о себе любимому человеку.

Характерным мотивом японской любовной лирики является расставание с милым на заре — песни типа «альба». В древности они пелись после брачных игр. Позднее стали означать прощание с тайным возлюбленным, а в некоторых случаях с мужем, так как жены не уходили в дом мужа, а муж навещал жену, приходя в ее дом.

В приведенных здесь образцах японской лирики читатель найдет знакомые душевные переживания, свойственные любовной лирике всех народов, и одновременно войдет в особый мир своеобразных поэтических образов и восприятий японской поэзии, где много унаследовано от народного творчества.

Характерные черты, присущие японской поэзии в целом, отражены и в любовной лирике: недосказанность, наличие намеков, тяготение к иносказанию, ожидание душевного отклика слушателя или читателя, как бы дополняющего произведение, раскрывая его подтекст, благодаря привычным ассоциациям и традиционному восприятию образов.

Отдельные образцы, приведенные в данном издании, взяты из трех лучших японских поэтических антологий VIII, X и XIII веков.

Произведения антологии VIII века помимо авторской поэзии содержат также записи народных песен западных и восточных провинций и отличаются наиболее непосредственным выражением чувств, в то время как произведения из антологии X века уже несут на себе печать философии эстетизма, процветавшей в среде господствующей аристократии, и выделяются изысканностью и усложненностью содержания. Произведения антологии XIII века особенно элегичны по настроению и как

бы отражают тяжелую общественную атмосферу того времени и проникновение в любовную лирику влияния буддийских учений о бренности всего земного.

Переключка мужского и женского хора во время народных обрядовых хороводов предстает здесь порой как обмен любовными строфами между возлюбленными или как обмен любовными посланиями.

Помещенные в конце сборника шестистишия и длинные песни являются наиболее древними формами песен, которые уже в VIII веке уступили ведущее место пятистишиям (танка), ставшим в X—XIII веках господствующей формой стиха в мире японской поэзии.

В разделе авторских песен читатель знакомится с двумя великими поэтами древности — Какиномото Хитомаро (VII в.) и Ямабэ Акахито (начало VIII в.), с известным певцом любви VIII века Отомо Якамоти и с лучшими поэтессами своего времени Нукада (VII в.), Отомо Саканоэ (VIII в.), Каса (VIII в.) и др.

Представлены в этом разделе и поэты, вошедшие в список «шести бессмертных поэтов»: Аривару Нарихира (IX в.), поэтесса Оно Комати (IX в.), поэты Содзё Хэндзё (IX в.), Бунъя (Фунъя) Ясухидэ

(IX в.), а также включенные в более поздние «списки тридцати шести бессмертных поэтов Средневековья»: Цураюки (X в.), Оतिकоти Мицунэ (X в.), Ки Тономори (X в.), Сайгё-хоси (XII в.), Фудзивара Садаиэ или Тэйка (XIII в.), поэтессы Мурасаки Сикибу (конец X — начало XI в.), Идзуми Сикибу (XI в.) и др. Прославленные поэты этих антологий, творчески освоив достижения китайской и корейской поэзии и прежде всего используя внутренние возможности своей собственной культуры, унаследовав богатый опыт народного творчества, сумели создать в итоге свою особую любовную лирику, неотъемлемую от глубоко проникновенной лирики природы.

Японская любовная лирика с ее самобытным лирическим богатством и своеобразными поэтическими образами — достойный вклад в сокровищницу мировой поэзии любви. А ее общечеловеческое звучание помогает ей легко перешагивать через столетия и быть близкой нам и теперь.

Хочется надеяться, что знакомство со старинной любовной японской лирикой, как любое проникновение в область духовной культуры другого народа, будет способствовать сближению и взаимопониманию, внося свою скромную лепту в великое дело дружбы и мира между народами.

ПЯТИСТИШИЯ

ТАНКА

ПЕСНИ ЗАПАДНЫХ ПРОВИНЦИЙ

ПЕСНЯ ЮНОШИ

Прозрачная волна у белых берегов,
Раскинутых, как белоснежный шарф,
Порой бурлит, но к берегам не подойдет.
Так — ты ко мне.
И полон я тоски...

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

О нет, наоборот:
Увы, не я, а ты,
Подобно той волне у белых берегов,
Раскинутых, как белоснежный шарф, —
Ты никогда не подойдешь ко мне...

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Когда бы знала, что любимый мой
Придет ко мне,
Везде в саду моем,
Покрытом только жалкою травой,
Рассыпала бы жемчуг дорогой!

ПЕСНЯ ЮНОШИ

Зачем мне дом, где жемчуг дорогой
Рассыпан всюду,
Что мне жемчуга?
Пусть то лачуга, вся поросшая травой,
Лишь были б вместе мы, любимая моя!

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Когда бы гром внезапно загремел,
А небо затянули облака,
И хлынул дождь, —
О, может быть, тогда
Тебя, мой друг, остановил бы он!

ПЕСНЯ ЮНОШИ

Пусть не гремит совсем здесь грозный гром
И пусть не льет с небес поток дождя,
Ах, все равно —
Останусь я с тобой,
Коль остановишь ты, любимая моя!

* * *

На траву зеленую тисá
Тяжестью в горах легла роса,
Оттого и вянет зелень этих трав.
Оттого, что в сердце горечь глубока,
Не кончается моя тоска...

* * *

Лучше пусть исчезну,
Словно белый иней,
Выпавший на землю поутру:
Как я эту ночь, тоскуя и печаясь,
Нынче до рассвета проведу?

* * *

Изголовие из дерева цугэ,
Лишь придет вечерняя пора,
Ты все время неотступно ждешь на ложе...
Отчего ж никак дождаться ты не можешь,
Чтоб хозяин твой пришел сюда?

* * *

На рассвете у ворот моих
Кулики без умолку поют.
О, проснись, проснись!
Мой супруг на эту ночь одну,
Пусть не знают люди про тебя.

* * *

Ах, на кровле дома моего
Зацвела «не забывай»-трава.
Все смотрю:
А где трава «забудь-любовь»?
Жаль, еще не выросла она...

* * *

Милый мой,
Моя любовь к тебе,
Словно эта летняя трава, —
Сколько ты ни косишь и ни рвешь,
Вырастает снова на полях!

* * *

В Сога, средь долины чистых рек,
Где осока дивная растет,
Не смолкая, плачут кулики...
Не смолкает также ни на миг
И моя несчастная любовь...

* * *

По дороге, что отмечена давно
Яшмовым копьём,
Ходить устал.
Мне циновку б из рогожи постелить
И смотреть бы мне все время на тебя!

* * *

Лишь раздался топот быстрого коня,
Как под сень сосны
Из дома вышла я,
И все думаю, смотрю вокруг,
Может, это ты, мой милый друг?

* * *

Как журавль далекий, что летает в небе,
Белых облаков крылом касаясь, —
Так и ты..
О, как мне трудно, трудно
Оттого, что нет тебя со мною!

* * *

Словно в бездне, среди скал,
Белоснежный жемчуг дорогой,
От людей скрываю я любовь.
И пускай погибну от любви,
Людам я не назову тебя!

* * *

Чем так жить,
Тоскуя о тебе,
Лучше было бы мне просто умереть,
Оттого, что думы, полные тревог,
Словно скошенные травы на лугах...

* * *

В священном храме,
Где жрецы вершат обряды,
Сверкает зеркало кристальной чистоты, —
Так в памяти моей сверкаешь ты,
И в каждом встречном я ищу тебя...

* * *

Долго, видно, буду тосковать о той,
Что мне видеть ныне довелось,
Что сверкала
Дивной красотой,
Как венок из ярких пестрых трав.

* * *

Говорят: на этом свете умирают,
Если так тоскуют, как тоскую я
Из-за той, что видел только миг,
Что хороша,
Как цветы струящиеся фудзи...

* * *

Мне кажется теперь, когда моя любовь
Намного глубже и сильнее стала, —
Я умереть могу в смятенье чувств;
Так рвется нить жемчужная — и вдруг —
Рассыплется весь жемчуг дорогой...

* * *

Тоскую о тебе и жду тебя всегда!
О, если был бы знак,
Что суждена нам встреча!
Ведь в этом мире я, увы, не вечен.
Подобно всем живущим на земле...

* * *

У ворот моих
На деревьях вяза вызрели плоды...
Сотни птиц слетелись к дому моему,
Тысячи слетелись разных птиц,
А тебя, любимый, нет и нет...

* * *

Среди полей заброшенных, в глуши,
Далекой, словно вечный свод небес,
Оставила тебя,
И от тоски и дум
Нет больше сил на этом свете жить!

* * *

Как до небесных облаков
Отсюда далеко — так до тебя..
Но пусть с тобою мы в разлуке,
Взамен твоих — чужие руки
Не станут изголовьем никогда!

* * *

Как тень прозрачная в рассветный час,
Таким же тонким тело нынче стало,
Все из-за той, что яшмой засверкала
Лишь издали —
И навсегда ушла от нас...

* * *

Кого среди людей назвать счастливым? —
Того, кто милой слышит голос
и в пору ту,
Как черный волос
Уже становится седым!

* * *

Вчера, вечернею порой, лишь миг один,
Короткий, как жемчужин встречных звон,
Я видел здесь ее, —
И нынче утром вдруг
Мне показалось, будто я люблю!

* * *

Пусть велика земля, но даже и она
Имеет свой предел,
Но в мире этом есть одно,
Чему конца не будет никогда,
И это бесконечное — любовь!

* * *

Ведь ты — лишь человек
С непрочною судьбою.
Как лунная трава цукигуса.
О, что ты можешь знать, мне говоря:
«Мы после встретимся с тобою...»

* * *

Когда зайдет за облака луна,
Сияющая ныне в небесах,
Как зеркало кристальной чистоты, —
Нет, все равно не кончится тоска,
А станет лишь любовь моя сильней!

* * *

Оттого, что обо мне не думает совсем
И меня не любит милая моя,
Я скрываю от нее любовь.
Так бутон скрывает чашечку цветка, —
Но должны бутоны расцвести!

* * *

Когда бы ныне мог корабль я встретить.
Который держит путь в столичные края,
Я б милой передал,
В каком смятенье думы,
Что словно скошенные травы на лугах...

* * *

Наверно, там, где горы Симакума
Жемчужным гребнем в небо поднялись,
В вечерних сумерках
Идешь ты одиноко
Заброшенной горною тропой...

* * *

Когда оградой зеленой горы
Меж нами встанут множеством рядов
И мы уже не будем больше вместе, —
Тебе, любимый мой, в далекий край
Я часто не смогу подать отсюда вести...

* * *

С нетерпеньем друга ожидаю,
В дом одной мне нынче не войти,
Пусть роса давно уже покрыла
Белотканые
Льняные рукава...

* * *

Когда в цветенья час
Не расцветают сливы,
А лишь в бутонах прячут лепестки,
Быть может, так они любовь скрывают?
А может, снег они с тревогой ждут?

* * *

Возле моря,
На скалистом берегу,
Утро каждое я вижу стаи птиц,
Утро каждое смотреть бы на тебя,
Но тебя не видно, милый мой...

* * *

Подобно соловью, что раньше всех поет
В тени ветвей,
Когда придет весна, —
Ты раньше всех мне о любви сказал,
И лишь тебя отныне буду ждать!

* * *

Лишь издали могу я любоваться,
Дотронуться не смею никогда.
Как лавр зеленый,
На луне растущий, —
Любимая моя... Что делать с ней?

* * *

Пока в саду своем ждала,
Что ты придешь ко мне, любимый,
На пряди черные
Распущенных волос
Упал холодный белый иней.

* * *

Ведь оттого, что никогда не думал,
С какой тоской тебя
Я буду вспоминать,
Бывали и такие ночи,
Когда подушкой был не твой рукав!

* * *

Вот нить жемчужная;
Как ни длинна она,
Сойдутся вместе у нее концы.
Не разойдутся и у нас пути —
Одна нас свяжет нить, как эти жемчуга...

* * *

Эта ночь, что черна,
Словно черные ягоды тута,
О, пускай никогда не проходит она!
Так мучительно ждать мне до ночи тебя,
Каждый раз уходящего рдеющим утром!

* * *

Должно быть, наступил уже рассвет:
Тидори возле нас щебечут неустанно,
А изголовье из твоих прекрасных рук,
Из белотканых рукавов твоих
Мне, как и ночью, все еще желанно!

* * *

О, только если высохнет до дна
Река Сикама, что впадает в море
Владыки вод,
О, только лишь тогда
Умрет навек моя любовь к тебе!

* * *

Схлынут волны — и в заливе Нанива
Собирают водоросли-жемчуга
Девушки-рыбачки...
И хочу узнать:
Как по именам вас называть?

* * *

Только тем, кто ищет раковины здесь,
Мы охотно подаем от сердца весть.
Странникам,
Кому постель — трава,
Мы своих имен не назовем.

* * *

Каждый раз, как только вижу я
Крылья тех гусей,
Летающих в тростники,
Вспоминаю я разящую стрелу,
Что носил ты за спиною у себя...

* * *

Вот спустилась ночь...
Скоро и светать начнет...
Двери распахнув,
Жду, когда же он придет,
Милый, что ушел в страну Кии?

ПЕСНИ ВОСТОЧНЫХ ПРОВИНЦИЙ

* * *

Целый день толку я белый рис,
Грубы стали руки у меня.
Хорошо бы, если б в эту ночь
Молодой хозяин мой пришел,
Тронул их и пожалел меня!

* * *

Как на поле здесь, в Санацура,
У холма я сею нынче просо —
Вижу, лошадь милого пришла.
Потянулась к просу, ест... Ну что ж,
Все равно ее не прогоню!

* * *

Ах, одежды белотканой рукава
В изголовье положу-ка я себе!..
Вижу, едут из Курага рыбаки,
Возвращаются к себе домой, —
Не вставайте, волны, на пути!

* * *

У Цукуба, у горы,
Рано еще снегу выпадать.
Что это белеет там, вдали?
Верно, расстелила полотно
Для просушки милая моя.